Глава 11

Ему снилась Жатва, голодные времена. Сам воздух, окружающий его, мерцал и искажался, когда все вокруг него умерло. Растения усыхали, пока они не стали просто шелухой, и дикий мурак и другая дикая природа вскоре последовали за ними. Духи земли вскрикнули от агонии, их нежный гул превратился в вопли мучений. Их души исчезали по мере того, как темные тени выходили из одеяла ночи, чтобы пировать в темный день. День уже не сдерживал темноту, и тени вырывались из земли, чтобы пировать на живых.

У Жатвы было двадцать ночей смерти: умирающая земля, сломанная земля, разрушенные души и необузданная тьма. Он знал об этом, потому что он приходил каждый год, когда земля плакала зияющими ранами, и тени просачивались из его хватки. Земля сдвинулась, треснула, и тени вылезли изнутри. Они охотятся и убивают, не желая ничего, кроме как пожинать плоды до того, как закончится Жатва. Тринадцать из этих адских времен он выжил. Голодные тени и ледяная тьма не могли забрать его с этой земли.

Таково было то, о чем он мечтал.

Он знал, что тени не являются родными для этих земель. Они были связаны с Далекими Землями; они служили их тюрьмой, потому что они не могли пройти сквозь горы. Жатва была тенями, которые были освобождены от оков. Когда земля опустилась на темноту, они выползали из трещин, чтобы пировать на живых, в сопровождении волнующей волны ошеломляющего тумана. В темноте не было света, тепла, и она поглотила все, чего касалась. Они молчали, были бесформенны и совершенно пусты.

Об этом он знал раньше, но теперь земля рассказала ему о других ужасах.

Это ты видишь, дитя мое. Ты выжил. Раньше ты видел. Но теперь ты узнаешь.

Его сны мерцали и смещались, и перед собой он видел крутую массу черного. Он лежал под землей, невидимые кандалы держали его в своей клетке. У него не было ни глубины, ни формы, ни черт. Это было отсутствие всего, полная пустота, и когда он двигался, каждый его инстинкт кричал ему бежать.

Скал, прошептала земля, ее голос был тихим. Возможно, из уважения, возможно, из-за страха, потому что он держал этот ужас в недрах собственной плоти. Это мать, слуга давно забытого греха.

Изображение снова изменилось, и теперь он увидел, как тьма вылетает, падая на землю, как бесконечный поток черного. Он сражался со своими цепями, сражался с магией, которая его связывала. Земля трепетала и воевала, но, наконец, она обрушилась. Тонкая трещина образовалась в скале, и темнота проскользнула. Его масса была сдержанной, но эта тонкая трещина была всем необходимым.

Из его бесформенного тела выливались тени, как поток, проходящий через щель. Они были муравьями перед гигантом, из которого они были порождены, потребляя все, что они видели. Двадцать дней и двадцать ночей они пировали, пожирая живых. И в конце всего этого они погрузились в темноту. И тьма, теперь насыщенная, погрузилась в свою тюрьму, чтобы подождать. За ним земля закрылась. И так пошел цикл.

Скаль'ай - охотники, дети Скала. Они кормят Скала, и так прошло с момента падения Сина. Знай, что ты столкнешься с ними, и увидишь еще больше зла.

Закончив, земля замолчала, и он погрузился в сон без сновидений. Ужас охватил его сердце от видений, от того, что он видел, и то, что он знал, придет. Его тело было разбито, и он жаждал покоя. Но это не могло длиться долго.

Медленно он почувствовал, как восходящее коричнево-красное солнце разбудило его от сна. Жара была мягкой, когда она нагревала его кровь. С усилием он попытался открыть глаза, моргая слезами, когда яркий свет послал боль в голову. Его голова мучительно болела, любое движение заставляло его видение меркнуть. Все его тело болело; его конечности едва могли двигаться. Он попытался сесть, но его тело предало его, когда усталые мускулы дернулись, и трещины пробежали по его позвоночнику. Низкий хрип выскользнул из его стиснутых зубов, когда он упал на спину, и мир безумно закрутился вокруг него. Внезапная волна тошноты поразила его врасплох, и он вырвал желчью и кровью. Его тело было безнадежно, смертельно слабым, и он пытался не спать.

Он потерпел неудачу. Задыхаясь от воздуха, его грудь сжималась, он едва дышал, и мир снова закрутился черным. Нет, он закричал в своих мыслях, зная, что многое предстоит сделать, но сон по-прежнему жаждал его.

Снова он спал, и снова ему снилось. Его мечты были бесформенными, вневременными. Он плавал, дрейфовал, его сознание напоминало ручей, стекающий по камню. Появилось мгновенное чувство опасности, но оно исчезло так же быстро, как и наступило. Впоследствии он ничего не чувствовал. Его подталкивали невидимые. Они приблизили его, и он увидел.

Фигура сидела, возможно, спала, окруженная бесформенным черным. Его кожа была бледно-серой, волосы длинные и рваные. Когда он подошел ближе, он увидел, что его кожа натянута над суставом и костью, сушеная, сморщенная и кожаная или спрятанная. Ее ногти были потресканы и пожелтели, одежда истлела. Ее губы были натянуты и потрескались, кожа была безжизненной, как камень.

На ней был простой халат, коричневый, как грязь, и вышитый черным. Вокруг ее шеи был золотой воротник, начертанный словами из бесчисленных языков. Его поверхность была похожа на пристальное озеро, всегда мерцающее и сверкающее перед ним. Вокруг него лежали три пустых украшения, явно с отсутствующими драгоценными камнями в форме мелких осколков.

Его правая рука лихорадила.

Когда он подошел поближе, стало ясно, что эта штука сидит на троне, хотя он не мог сказать, из чего он был сделан. Оно когда-либо двигалось, когда-либо смещалось, окруженное этим венок тьмы. Возможно, в непонятном беспорядке его мечты оба были едины, и фигура сидела на самой темноте. В любом случае было ясно, что чернота не была обычной тенью, наложенной невидимым светом. Это был туман, саван, но фигура все еще была ясно видна на этом месте абиссального камня. Когда он потянулся ближе, он увидел еще мельчайшие детали его плоти.

И тогда стало ясно, что это был труп.

Его скелет остался без мышц, его тело было слишком тонким. Его глаза были закрыты смертью, ее пальцы плотно прилегали к темноте. Он носил распад, как халат, его зрелость и порывы. В песке было больше жизни, чем в этой фигуре. Каждый инстинкт в его теле подтвердил это.

И все же он двигался.

Медленно дернулся палец. Один, затем два, а затем его левая рука поднялась с места на своем троне. Он поднимался с темпом, который соответствовал деревьям, которые соответствовали танцам приливов и отливов. Он рос с темпами безвременья, тысячелетий прошлого. Тем не менее он все же поднялся.

И медленно его глаза открылись.

Они были бездонными ямами, черный дым выливался из них, впадая в темноту вокруг него. Он не знал, как, но он знал, что видел его. Они не моргали, не мерцали. Ни один из них не двигался, даже не вздымался дым. И все же они двигались, и все же они видели.

Его рука поднялась, чтобы схватить, вытаскивая наружу в отчаянном движении. И медленно, он открыл рот.

Вор.

Он говорил одним голосом; он говорил тысячами голосов. Они были холоднее льда, жарче, чем огонь. В нем была несравненная ярость, неиссякаемая сила, скрытая в этом голосе, подобном камню..

Голоса мертвых молчали. Голос земли оставил его. Он был один.

Он ощущал внешнее присутствие темноты, которая окружала его, ползя ближе к тому месту, где он стоял. Он наблюдал за ним. Он охотился на него. Этот страх, этот ужас, он не чувствовал себя как во сне.

Он не был во плоти, но он не мог выразить никаких протестов, когда в его ушах прошептала темнота, отвратительное ничто, обернутое вокруг его когтей и ног. Тени бились и рвались к его плоти, но иглы резкой боли чувствовались угасающими от дымки. Скаль'ай, земля назвала их, и имя охладило его. Они ели у его конечностей, холодность их черного тумана просачивалась сквозь его шкуру и оседала в костях, онемевая его тело. Их тихое прикосновение смутило его мысли и смягчило его страх. Он вспомнил тогда о той опасности, которую он почувствовал, - о том, что его заманили.

Он так же быстро забыл об опасности, и вскоре снова ничего не почувствовал.

Он не хотел думать; он слишком устал, чтобы делать это. Было так просто остановиться. Прекратить сражаться. Отдыхать. Спать. Его тело было окружено, тень украла его плоть. Он не ощущал ничего, никакого ответа от полой шелухи его живого трупа. Осталось только его сознание, смутное смешение духа и разума, которое тоже медленно исчезало. Он не чувствовал ничего, кроме холода, и он был таким усталым. Усталым от боев, усталым от жизни. Было так просто оставить все это позади. Здесь было легко умереть.

Затем он почувствовал, как черный туман вокруг него сжался, и горький холод сдул с него всю жару, когда обернулся вокруг его тела. Он мог чувствовать труп почти на расстоянии вытянутой руки, ничего особенного из его присутствия, которое пульсировало рядом с ним, было ужасно интимным. Он не знал, когда, но он начал ходить бесчувственными ногами. В этих конечностях не было ощущения, они казались конечностями марионетки, перемещаясь без его воли. Туманно, он заметил, что он идет к тому трупу, который жил, к этой протянутой руке.

Он говорил всего раз, но он снова и снова слышал его голос. Он услышал его беззвучный голос в непрестанном эхо. Это была увлекательная песня, завораживающее эхо, которое погрузилось

в его мысли и разум. Он все ближе приближался; возможно, его тянут, или, может быть, он сам идет. Тени были как любовники, участвуя в этом корчащемся танце, когда они разорвали его плоть. Теперь они становились ближе с каждым ударом сердца, тихим и слабым.

Он наблюдал за ним, он мог сказать. Его черный туман кружил над ним, тени вокруг него пировали. Теперь он ничего не видел. Была только темнота тумана, тени и полная пустота, которые она принесла. Взлетающие Скаль'ай пожирали все, чего они касались. У них не было ни когтей, ни зубов, ни тела, о которых можно было бы говорить, но они тоже пожирали его. Они были величайшими из хищников, он знал - неумелыми, смертельными и терпеливыми.

Он подходил ближе, и он мог только смотреть тупо, как туман, более плотный, плетется вокруг него. Он задушил ощущение этой ласки, убил его волю и мысли так же легко, как и дыхание.

Он задавался вопросом, как это будет выглядеть, его смерть. Он подумал, не будет ли больно.

Безгласая фигура задыхалась, гипнотизируя его. Этот палец на его протянутой руке был камнем в бушующей реке, был тенью в бушующей буре. Он привлекал его. Он подошел ближе.

Ближе. На расстоянии волоса. Скал'ай ел все больше и больше, и он неподвижно вздрогнул, когда его смерть приблизилась.

Ближе. И затем, все так мягко, кончик этого скелетного пальца прижался к его лбу холодным прикосновением лезвия.

http://tl.rulate.ru/book/8591/165456